

Свадьбы в роду; снова жизнь и любовь
 Селит Господь во дворцы и халупы.
 Даже в больнице семейная кровь
 Делится мудро на разные группы.
 Судьбы трубят нам в охотничий рог,
 Сети запутав тревожной облавы.
 Мендель раскинул незрелый горох,
 Дерзко гадая на радугу славы.
 Повод вести разговор для элит,
 Верящих в сей генетический опус.
 Люди ж простые о том, что болит
 Думают, глядя на жизнь, как на фокус.
 Я к академикам с ВУЗа ревнив,
 Шишки набив о фольклора запятки.
 Кто не услышит народный мотив,
 Будет уложен на обе лопатки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Может добро превратиться во зло
 Ночью, пришедшей с клюкою в долину?
 Мне помогает поэмы весло
 Выплыть с молитвою на середину.
 Чудятся на берегах огоньки,
 Сколь их горит на разжиженной тверди.
 Будто червонцы там и пятаки
 Из золотого запаса и меди.

Тише воды и чуть ниже травы
 Шла Евдокия с сынами по свету.
 Вдруг ей приснились смиренные львы,
 Бросила с горя им баба монету.
 В страхе на печку; как тот пономарь,
 Стала молиться, надев кацавейку.
 Гриву склонил улыбнувшийся царь,
 Щедрая ты, не жалеешь копейку.
 Знаю, последняя, тем и ценна;
 Рок наградит и тебя, и избушку.
 Выпьешь зелёного скоро вина,
 Век простоявшего, целую кружку.
 Утром проснулась, куда делась медь,
 Взяли с собою полночные гости?
 Не за что даже семье умереть,
 Вырыть могилу на сельском погосте.
 Слезы никак не заменят долги,
 Дуся плетётся с надеждою в лавку.
 Только не с той, видно, встала ноги,
 Не приколола на кофту булавку.
 В хлебе ржаном отказал продавец,
 Чем же троих ей попотчевать деток.
 Мучаясь голодом, каждый птенец
 Может дойти до сумы и объедок.
 Рядом топорщится крышею дом
 Вредной, как все говорили, старухи.
 Что же у Ксеньи случилось в былом,
 Разные шастали сплетни и слухи.
 Мать перед смертью кусала губу,
 Не отвечая дочке на вопросы.

Лишь бормотала: «Видала в гробу
Я с деревенской помойки отбросы».
Ходит соседка с ольховой клюкой,
Точно ведунья из сказки старинной.
Время бы петь за её упокой,
Да не является к людям с повинной.
Дусю она невзлюбила с невест.
Мол, не былинка в соку, а полова.
Делает девке вдруг ласковый жест,
Вымолвить хочет заветное слово.
Может, про счастье начнёт и любовь,
Или насчёт долгожданного брака.
Красных её, сколько помнит, коров
Рыжая оберегала собака.
Крестятся люди – бесовский то знак;
Всё у неё, как у старой чертовки.
Слышали, будто приветствовал рак
Свистом старуху с кладбищенской горки.
Ведьма, наверное, в гости зовёт,
Чтоб передать ремесло своё в руки.
Кто его знает, а вдруг повезёт
И прекратятся голодные муки.

* * *

*Чуть не к киоту с лампадкой, впритык
Вождь на стене за мушиной липучкой.
Рядышком в звёздах висит большевик,
С Дусиной мамой, угрюмою внучкой.*

* * *

Это твой прадед, извечный мой враг,
Злой притеснитель старинного рода.
В зависти вырыл он страшный овраг,
Где самому уже не было брода.
Дедушка пал от него Константин;
Как моя бабка, село ненавижу.
Здесьние злыдни в одну из годин.
Ветку отчикали нашу, как грыжу,
Ты вот последний семейный побег,
Нечего очи зелёные пялить.
Нет уж на свете противников тех,
А надо хоть что-то от рода оставить.
Вот и храню пожелтелый портрет
Деда второго и вашей вот мамки.
Всё, чему ныне названия нет,
Рано иль поздно найдёт свои рамки.
Мир распадается и удержать
Трудно его средь неверных и бранных.
Новая *знать* знает мать-перемать,
Как заклинание от убиенных.
А про меня тут такое плетут
Бывшие и настоящие хамы.

Что для бубновых незнаемый суд,
Коли ходили с гармошками в храмы.
Хватит пока, видишь, стынет обед,
В трёх чугунах и горшках на загнете.
В дальнем соборе дала я обет
Грех искупить, что копился столетье.
Деток своих приведи щас на щи,
Я зарубила на праздник курёнка.
Ах, Евдокия, с меня не взыщи,
Очень у вас прохудилась избёнка.
Вашу семейку к себе заберу
И приголублю родную как надо.
Может, уже через месяц умру,
Лишь бы успела добраться до клада.
Как оглашенная, ночи не сплю,
Думы растут к небу, будто бы сосны.
Я не достойна любить, но люблю
Дочку убравшейся к Богу посёстры.
Раньше тебя не могла я терпеть.
Столько придумала грязи и прозвищ.
Можно, племянница, осатанеть
Из-за потери родных и сокровищ.
Барыней я бы, наверно, жила
В блеске полотен, фарфора и злата.
Если Россия с ума вдруг сошла,
В чём перед толпами я виновата?
Так говорила покойная мне
Бабка, тогда ещё полной соплячке.
Даже про колос пустой на гумне
Упоминала в словесной горячке.
Прадед твой был таковым для семьи,
Сладко носившим с доносом портфелю.
В ночь Константина в «чеку» замели
И завернули в сырую постёлю.

* * *

*– Тётка, скажи, к чему снились мне львы
Ныне под самое странное утро.
– Девка моя, не ломай головы,
Вечером всю объясню я премудрость.
Мало читала я в юности книг;
Слушала больше былую дворянку,
Знавшую уйму преданий седых,
Сроду имевших, как платье, изнанку.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Я прерываю народную речь,
Робко прошу у деревни прощенья.
Пусть остывает, как русская печь,
После обеденного угощенья.
Коль прикорнули вокруг малыши,*

*Мамы и кошки, почистившей лапки.
Исповедь я передам от души
Чудно нашедшейся вовремя бабки.*

* * *

Было у барина двое сынов;
Лучшего мне не придумать зачина.
Знатных в полуденных весях панов,
Ждущих от предка богатства и чина.
Лишнего оба боялись вина,
Не избегая пасхальную чарку.
С ружьями в стужу пасли кабана,
В бурю с букетом – соседку-гречанку.
В Питер их общий позвал факультет,
Втиснутый в мокрый Васильевский остров.
Косте – граф Вите был авторитет,
Мишке – развенчанный граф Калиостро.
Мудрый карабкался, как на Казбек,
По серпантину из книг на арену.
Брат его в баре, как свой человек,
Лихо сдувал загулявшую пену.
Если и был у России недуг,
Вряд ли пилулей он требовал Маркса.
Мало-помалу сходил Петербург
С разуму из-за раскольного класса.
Новые тёрлись о рожь жернова,
Пыль заноса революции в Думу.
Кто убегал от себя в буржуа,
Кто кокаинами нюхал коммуны.
Рост, нагуляв в именном цветнике,
Разному свету молились побегу.
А от тумана, рождаясь в реке,
Ёжила морось громаду Коллегий¹.
Старший во всём был отцовский оплот,
С даром помещика и фабриканта.
Младший был франт несусветный и мот,
С кафедр глядевший в презренье на брата.
Барин, дошедший до крайних седин,
Роздал грехи и купоны мирские.
Главным наследником стал Константин,
Предок двоюродных бед Евдокии.
Где капитал, там и лесоповал;
Бесы и есть обойдённые боги.
Младший момента уже поджидал
В самый канун заболевшей эпохи.
Бурно, в сердцах, обозвав старика,

Вмиг провалился в бездонные кущи.
У промотавшегося игрока
Совесть не самый надёжный попутчик.
Сгинул с любовных подмостков балет,
Новый ворвался на сцену с притопом.
Штабс-капитан, сбросив пыль эполет,
Шашку Антонова² гнул агитпропом.

* * *

*Что революция, был бы свой ум,
Можно пристроиться даже к обозу.
Вон как в Совете жирует мой кум,
Лиру сменивший на громкую прозу.
У Михаила расчерченный план,
Славный по мысли изгоя без чести.
Дали ему и мандат, и наган,
В общем, орудия кровные мести.*

* * *

Где ты мой родный противник и брат,
Оба мы многое не позабыли.
Предпринимательский будет талант
Плакать теперь по статье и Сибири.
Пашне и фабрикам бывшим хана,
Митинг раскачивают утописты.
И бедуна под надзор пахана,
В дуло вагона вбивают чекисты.
Всякое время там будь начеку,
Видя конвойных и свежую плаху.
Братец, твой щедрый к тебе, на скаку
Кровь променял на паёк и рубаху.
Зэк, потерявший семейство и кров,
Время считал, поделив на календы.
Для вертухаев вытаскивал львов,
Благо, шумели там царские кедрсы.
Стал счетоводом, на добром счету
Числился у победившего класса.
Красную где-то нарушил черту,
Сразу опомнилась серая масса.
Пресные люди не жалуют соль;
С вышки послали горячую пулю.
Брат рассмеялся, семейный король
Больше не скрутит мосластую дулю.

¹ Здание Двенадцати Коллегий в Санкт-Петербурге. В Петровские времена там размещались высшие управленческие учреждения России. Сейчас в нём расположен ряд гуманитарных факультетов Санкт-Петербургского университета. Также много лет работает ректорат СПбГУ.

² Александр Антонов – вождь антибольшевистского восстания крестьян в Тамбовской губернии. Против их красные впервые в России применили снаряды со смертоносным газом..

* * *

*Слышать он будет лишь гимны совы,
Севшей на красную грудь листопада.
Гонят на троны взошедшие львы
Альфа-самцов забуревших из прайда.
Не уживаются рубль и пятак;
Держат под спудом с наживкою снасти.
Все на жерлице меж щук, как судак,
Мечутся в лунке под флагами власти.*

* * *

В волчьей тайге затерялась жена,
Трое ребяток и тётка-калека.
Царское мясо жевала страна,
Бога забывшая и человека.
На пепелище вернулась с сынком
Лет через восемь уставшая Ксения.
Тихо срубила копеечный дом
И ожидала в трудах Воскресенья.
Сад *припутіла*, вела огород;
Ведала силу волшебную травок.
Как ни шептался колхозный народ,
Не беспокоила власть из-за справок.
Ангел хранил пару красных бумаг,
Напоминавших былые мандаты.
И удивлялся пузатый завмаг –
Денег у бабы полно без зарплаты.
Как-то её навестил бывший зэк,
Вместе с супругом хлебавший баланду:
Ксения Ивановна, муж твой весь век
Верен семье был, любви и таланту.
Зная, что гибнет, для вас тусесок
Каповый сунул вдобавок ко львёнку.
В горле застрял вдовый чёрствый кусок,
Бросило в пот с вензелями солонку.

* * *

Рядом домину воздвиг Михаил,
Деверь, сбежавший от чистки в отставку.
Ксению, встречая, открыто хулил,
Так же как в доме отцовском чернавку.
Он, позабывший худых балерин,
Красных бойцов ему не нарожавших.
Вновь комиссарил, катаясь, как блин,
В пышной сметане красав загулявших.
Марью ему подарил комсомол
После полночных весёлых лобзаний.
Грубый опарой вздымался помол,
Не понимавший дворянских терзаний.
Циркулем жёнка гоняла плуги,

Курс агронома пройдя в Наробразе.
У Михаила зато сапоги
Так и блистали в осенние грязи.
Муж при Хрущёве, воспевший свой полк,
Дрался на сцену, как жаба на кочку.
Чёрт-воронок и его уволок,
Жирную вмазав в колонии точку.
Коли кормильца сочли за врага,
Коего вовремя не распознали,
Тут же у *трутней* кусок пирога
Вырвали, чуть не разрушив эмали.
Бабка с тех пор уже не бригадир;
Дочка сдала на хранение счёты.
Юная внучка, как дедов кумир,
Тоже лишилась медовой работы.
Ищут они среди вил и лопат
Без выходных трудодни и болезни.
Как бы ты ни был тут не виноват,
Выход один; хоть умри, но исчезни.

* * *

Дуся *нашлась*¹; и в лохмотьях тряпья
Женская тройка тащилась с ней в гору.
Девка, продравшись сквозь дебри репья,
Тихо вкатилась в замужнюю пору.
Тайный на свадьбу приехал отец,
В ближнем селе полномочная шишка.
Что *не кажи*, ещё тот жеребец,
Прадед о нём так говаривал Мишка.

* * *

Прошное время лежит на часах.
Перебивается с хлеба на воду.
Дусю муж кинул на третьих сносях,
Юркнув за дамой в чужую колоду.
Часто не учат людей ничему
В жизни ни сказы, ни байки такие.
Вон, уготовила детям суму
Правды не знавшая всей Евдокия.

* * *

*Тётка судьёю мне строгой дана,
Мантию ж носит она адвоката.
Ксения в честь бабки своей названа,
А я, горемышная, правнучка ката.
Вот почему, сколько помню, бедны*

¹ Нашлась, так русские сельчане обычно говорили о позднем нежелательном ребёнке.

Наши сараи и старые хаты.
В красных лохмотьях одежды видны
Шитые белою ниткой заплаты.
Ксения храпит. Жизнь прошла в маете.
Что говорить, без особого толка.
Стынет горшок на горелой плите
В домике агнца для выводка волка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Перед семьёй раскрылся рай и ад;
Одолевают скрип и шёпот сени.
Лад может рухнуть, коль откроет клад
То ль вверх, то ль вниз гремящие ступени.
Перелопачивать пора между,
Что мучает изгоев из чертога.
На поэтический перевозжу
Я суть простую Ксении монолога.

* * *

Моя племянница, ты так бледна,
Что даже страшно за твою планиду.
Не помогай мне, я пойду одна
Выкапывать богатство и обиду.
Случиться может всякое со мной,
Найдёт какой-нибудь заклятый морок.
Ты тело моё грешное обмой
И вынь из сердца своего осколок.
Да пригласи Михайлыча, дьячка,
Пусть под конец мне успокоит душу.
Для нас он наподобие дичка,
Что прадед твой привил на девку Грушу.
Ну, вот и всё, забуду ведь потом,
Блеск золота пылает, ослепляя.
Перед арестом Константин тайком
Клад закопал под вербой у сарая.
Мне Ксения, бабка, сделала намёк;
Мол, пусть лежит сюрпризом для семейства.
Мы, впрок ужасный заплатив оброк,
Уж не находим в государстве места.
Без украшений не протянет мир.
Враз оказавшись в собственной темнице.
Уж ждёт тебя отменный ювелир,
Чей адрес ты отыщешь на полнице.
Как раз к богатству и приснились львы;
Хоть виновата ты ещё с зачатья.
И то, что нет ни корки у вдовы,
Плод заговорный нашего проклятья.
Крест снял его уж до последних букв.
Мне подсказали те молитвы в церкви.
Жизнь сделала по буеракам крюк,
Вернув семье разорванные цепи.

* * *

Перестаю бессмысленно роптать
И набираться перед смертью сраму.
Коль был мой дед богатый вор и тать,
То упаду я замертво в ту яму.
Но ты пока во двор не выходи,
Чтоб не прилипли кладовые страхи.
А слухи смоят скорые дожди,
Как век назад истлевшие рубахи.

* * *

Что ж, созревает лишь раз на веку
В зёрнах, святящихся радугой, колос.
Слышится с улицы ку-ка-реку,
Чёрную силу пугающий возглас.
В сенцах является грохот и стук,
Тычется сослепу бронзовый ящик.
Сколь в нём таится заманчивых штук,
Столь утонуло там душ настоящих.
Дуся со страхом глядит на нутро,
В камни и слитки ушедшего рода.
Чую, моё равнодушно перо
К золоту, выкопанному с огорода.
Я не хочу свой испытывать рок,
Можно свободно нарваться на муку.
Бабка исполнила честно зарок,
Сон оказался для женщины в руку.

* * *

Вот она рыжая, с красным, кица;
Масти собачьей, породы коровьей.
Дар замогильный её праотца,
Посланный роком праправнучке кровной.
Даже не знаешь: тут петь, иль говеть
У Богородичной вечной Канавки¹.
Львы обменяли последнюю медь
На золотые бруски и булавки.

* * *

Тётка в гробу улеглась между трав,
Выли весь вечер в углу барабашки.
Лишь отгремели тарелки *отправ*²,
Громко заухали белые шапки.
Домики ветхие вычел пожар
Из канцелярских потрёпанных списков.

¹ Богородичная Канавка в Дивеево. По ней, как уверяет церковь, ежедневно проходит Матерь Божья.

² Отправы – строгая система похоронных обрядов в русской деревне центральной России.

В смерти никто ещё не избежал
Кольев осиновых и обелисков.

* * *

Буром вращается жизнь-канитель;
Слитки ушли капиталу на зубы.
Где же счастливая баба теперь,
Может, вступила в элитные клубы.
Что, без диплома? Да менеджер с ним!
Счёт в интербанке, и ты уже леди.
От ювелира увёз аноним
Дусю в чужие торговые сети.
Снова отправился в путь туесок
И одомашненный розовый лвьёнок.
Родина долго стреляла в висок
Вспышками солнечных окон вдогонок.

* * *

*Быстро сварганили бизнес ей план
В духе франчайзинговых¹ операций.
Хмыкнул, наверно, на кладбище пан,
Тот, что Михайлу оставил без акций.
Взялся за дело седой журналист,
Очень известный на Невском стартапер².
Ловко ложились расчёты на лист,
С люфтом возможных чиновных царапин.
Крышею стал знаменитый Стандарт,
Чутку уставший от шумного бренда.
Проголодавшись, семейный карат
Едим шампанским вытравливал бедность.*

* * *

Трудный на небе был выбран маршрут
Для возрождения славного рода.
Кто ещё явит на свет и на суд
Камни и слитки с того огорода.

* * *

Держит её теперь жизнь под уздцы,
Дабы заботою скрасить усталость.
Больно, когда достаются ларцы,
Вместо ушедшей любви под старость.

Выше не прыгнешь своей головой;
Принципы были и раньше такие.
С ними по старой привычке на «вы»,
Тихо живёт у детей Евдокия.
Бизнес миллионный у старшего; влёт
Всё продаёт и имеет излишек.
Вон подрастает отцовский оплот,
Двое прекрасных на вид ребятишек.
Возит обоих отец вдоль Невы,
Рядом сияет его альма-матер.
Сфинксы из бронзы, зелёные львы,
Грустно взирают на царский фарватер.
Светят египтами морды зверей,
Вросших промежду свинца и лазури.
Только бы взрослых парней с якорей
Вновь не сорвали багровые бури.

* * *

В церкви семья ставит свечки за всех,
В виде, сказал бы, духовной опеки.
Дома хранится, похожий на сейф,
Ящик, в котором лежат три копейки.

ЭПИЛОГ

*При перемене погоды, в саду
Деды законной наследнице снятся.
Видно, такую судьбу на роду
Им уготовили камни и святцы.
Выше травы и кровавей воды,
Золото давит на грани алмаза.
Дарят покойники Дусе плоды
В разных по цвету корзинах на Спаса.
Грустно вздохнёт – надо их помянуть:
В церкви добавит антоновки к хлебу.
Свечку возжёт в честь ушедших за Друть³,
Отче прочтёт поминальную потребу.
Крутится род средь известных людей;
Всё у него благородно и ладно.
Только никак не уснёт чародей,
Не покидающий клятого клада.*

20 ноября – 10 декабря 2018 г.
Сыктывкар

¹ Фрайчайзинг – возможность открыть свой магазин под вывеской известной компании. Вам помогут найти и отремонтировать помещение, подобрать персонал, завезти товары. Главное – вовремя оплачивать счета.

² Стартапер – тот, кто весьма успешно работает над претворением в жизнь мощной коммерческой идеи.

³ Друть – река в Белоруссии. Полноводный приток Днепра. По народным поверьям, обладает мистической силой. Уйти за Друть, как считают на родной для автора Брянщине, означает – умереть.